

Митрополит Иларион: Церковь позволяет каждому человеку, будь то мужчина или женщина, раскрыть свои способности и принести их на службу Богу

23 ноября 2013 года гостем передачи «Церковь и мир», которую ведет на телеканале «Россия-24» митрополит Волоколамский Иларион, стала народная артистка России балерина Илзе Лиепа.

Митрополит Иларион: Здравствуйте, дорогие братья и сестры. В эфире – передача «Церковь и мир». Сегодня мы будем говорить о роли женщины в Церкви. В чем Церковь видит призвание женщины? Какие права есть в Церкви у женщины? Об этом мы поговорим с народной артисткой России, балериной, представительницей замечательной балетной династии Илзе Лиепой. Здравствуйте, Илзе.

И. Лиепа: Здравствуйте, Владыка. Я благодарю за возможность беседовать с Вами, поговорить о вопросах, которые не могут не волновать меня как женщину. Я знакома с Вашими книгами, они мне близки и очень нравятся. Мне известно Ваше музыкальное творчество. Поэтому мне интересно задать Вам некоторые вопросы о женщине в творчестве и в Церкви.

Но сначала я хотела бы задать Вам вопрос, который меня как мать сильно волнует: речь идет о воспитании ребенка в вере и о его противостоянии миру с первых шагов жизни. Как помочь ему, как направить его? Может быть, Вы расскажете, как это было в Вашей семье... Что делать, когда ребенок с ранней поры сталкивается с тем, что дома он живет по одним законам, а приходя даже в детский сад – по другим законам. Как помочь ему? Как это было в Вашем случае?

Митрополит Иларион: Действительно мне проще рассказать, как это было в моем случае. Моя мама воспитывала меня без всяких мер принуждения, практически она никогда меня не наказывала. Мое воспитание строилось следующим образом: всем, что маме было интересно, что ее увлекало и представлялось важным, она делилась со мной, и я был вовлечен в круг ее интересов естественным образом. Будучи по профессии литератором, мама рассказывала мне о писателях, о литературных произведениях, давала мне их читать, комментировала. Соответственно, мир книги был для меня не просто открыт, но еще и прокомментирован. Книжный мир стал для меня живым – я никогда не ограничивался чтением книг только в рамках школьной программы, не читал их по принуждению – наоборот, мне было это интересно. Я читал книги запоем, иногда по 500-600 страниц в день – оставлял все и читал, например, очередной роман

Достоевского.

Мне кажется, что воспитание через вовлечение ребёнка в то, что вам интересно и дорого для вас – самый лучший способ воздействия. Если вам интересно в Церкви и вас влечёт в храм, вы должны своей настрой передать и ребенку. Причем не просто говорить ему, как важно для него ходить в церковь, – он должен сам это почувствовать и перенять это от вас и вместе с вами в этом участвовать.

И. Лиепа: Меня еще очень волнует такой вопрос: как мы, уже взрослые люди, должны свидетельствовать о своей вере? Например, такой бытовой вопрос: дома мы всегда читаем молитвы перед едой и после еды, но как себя вести, если нас приглашают на обед в общественное место? Должны ли мы при этом прилюдно свидетельствовать о своей вере – перекреститься, прочитать молитву, или это наше сокровенное дело? Как здесь поступить?

Митрополит Иларион: Думаю, Вам должна подсказывать интуиция, как себя вести в конкретном случае, потому что, с одной стороны, мы не должны выставлять напоказ нашу веру, но в то же время не должны ее скрывать и прятать.

Сейчас бытует мнение, особенно на Западе, как мы можем увидеть из утверждений некоторых политиков, что вера – это то, что всегда должно быть спрятано: можно быть верующими у себя в семье, но при этом вера не должна сказываться на нашей профессиональной, общественной деятельности. Я с этим глубоко не согласен, потому что вера – это образ жизни. Вера естественным образом освящает всю нашу жизнь, в том числе и в общественном пространстве.

В семье мы можем молиться вслух, но при других обстоятельствах, возможно, будет удобнее произнести молитву про себя. Где-то вам представляется уместным перекреститься, а в иной раз, по каким-либо соображениям, это может показаться неловким. Я думаю, самое главное – ощущать себя верующим человеком вне зависимости, находитесь ли вы в церкви или нет, оказываетесь ли наедине с собой или в обществе других людей. Надо делиться опытом веры с другими людьми, но без навязывания, не из стремления непременно обратить их в свою веру, а с целью просто рассказать им о том, что для вас интересно, важно и дорого.

И. Лиепа: Спасибо. Владыка, следующий мой вопрос, возможно, покажется вам провокационным, ибо ответ на него мне в принципе ясен. Но очень хочется услышать именно Ваше мнение о том, как должна быть одета женщина, пришедшая в храм. Мне кажется, что одежда должна быть благопристойной как для женщины, так и для мужчины. Ведь в иной раз и мужчина может прийти в храм в шлепанцах и в коротких штанах, и это не будет выглядеть благопристойно. Мне интересны Ваши суждения на эту тему, чтобы наши слушатели и телезрители узнали, почему женщина должна

покрывать голову, приходя в храм.

Митрополит Иларион: Я считаю, что прежде всего, как Вы сами правильно заметили, одежда в храме должна быть благопристойной. Думаю, мы никого не удивим, если скажем, что женщины часто одеваются так, чтобы привлечь внимание мужчин, их одежда подчеркивает фигуру, делая акцент на их сексуальности. Такая одежда не годится для церкви, ибо женщина приходит в храм не для того, чтобы обратить на себя мужское внимание и отвлекать верующих от молитвы. Она приходит для того, чтобы самой помолиться и дать возможность молиться другим. Поэтому одежда не должна быть вызывающей или броской, не должна подчеркивать красоту фигуры, красоту лица.

Обратите внимание на одежду священнослужителей, которая скрывает фигуру. Она не может полностью скрыть большой живот, если таковой есть, но особенности фигуры, как правило, скрывает. То есть священнослужитель в Церкви выступает не в роли мужчины, привлекательного для женщин, а исключительно в роли человека, который вместе со своей общиной молится Богу. Я думаю, в этом и заключается весь смысл: одежда должна быть скромной, не вызывающей и не бросающейся в глаза.

И. Лиєпа: Владыка, хочу поделиться с Вами своим наблюдением. Меня Господь порадовал духовной дружбой с монахиней из Петрозаводска (Царство ей Небесное, ее уже нет в живых). Иногда она приезжала в Москву и останавливалась у меня дома. Это была пожилая женщина крупного телосложения, и когда я смотрела на нее, то думала: в мирской одежде она наверняка была бы неприглядной старушкой, а в монашеском облачении – такая красавица. В храме на нее всегда обращали внимание и спрашивали, из какого она монастыря, ибо она выглядела очень благородно, монашеская одежда ее облагораживала.

Я не раз замечала, как монашеские одежды облагораживают пожилой возраст. Вспоминаются Петр и Феврония (о них я часто рассказываю своей дочери) их удивительный, необычный союз, но без чадородия. И все равно мы понимаем, какой это благодатный жизненный путь. Владыка, что бы Вы могли сказать в поддержку тем женщинам, которые очень желают иметь детей, но не могут? Как им найти себя в жизни, какой путь избрать себе?

Митрополит Иларион: У Церкви есть прямой ответ на Ваш вопрос: если вы хотите детей, а Господь вам их не дает, вы всегда можете их усыновить. В нашем Отечестве немало детей, нуждающихся в приемных родителях. Причем вот в чем парадокс : с одной стороны, у нас довольно большие очереди бездетных супругов на усыновление, и при этом, с другой стороны, у нас много детей сирот. Почему так происходит? Казалось бы, если всех детей раздать бездетным семейным парам, сиротство у нас исчезнет. Но все дело в том, что зачастую бездетные супруги

ищут только здорового ребенка, а больного, как правило, не хотят усыновлять. И получается, что усыновители, живя представлениями об идеальном ребенке, у которого не должно быть ни проблем, ни болезней, не замечают реальных детей, нуждающихся в их заботе. Они не понимают одного: если усыновить этих детей, то они, даже со своими проблемами и болезнями, принесут огромное счастье бездетным семейным парам.

Церковь не признает никакие другие способы исправления этой ситуации, отвергая искусственное оплодотворение, которое происходит вне контекста супружеских отношений. Единственный способ, который Церковь признает, – это усыновление или удочерение.

И. Лиепа: Владыка, я не могу не спросить Вас о том, как Вы относитесь к синтезу искусства и духовной жизни? В частности, меня интересует Ваш комментарий на тему «балет и духовная жизнь».

Митрополит Иларион: Я считаю, что искусство может быть носителем не только духовных, но и религиозных ценностей. Ведь изначально искусство не существовало в качестве какого-либо светского компонента человеческой жизни. Изначально всё искусство было церковным: и живопись, и музыка. Практически все виды искусства произрастали из религиозного опыта человека, они имеют религиозные корни, религиозную или церковную предысторию.

Впоследствии, начиная с эпохи Возрождения, и, конечно, после французской революции, сложился такой феномен, как «светское искусство», но даже ему всегда присущ некий духовный элемент, который может быть как со знаком плюс, так и со знаком минус. Очень важно, какое содержание вкладывает человек в свое произведение, будь то музыкальное или художественное.

Если говорить о балете, то можно отметить, что это одна из форм отражения человеческой жизни. В балете на языке жестов вы можете рассказать о том, что иной раз не удастся передать обычными словами. Вы можете поведать людям об очень важных составляющих их жизни: о любви и верности, о многих других идеалах, которые в значительной степени уже утрачены в современном обществе. Балет – это искусство, и если оно наполнено духовным содержанием, то может возвышать душу человека. Таких балетов очень много.

В этом смысле я думаю, что каждый человек искусства может быть и миссионером.

И. Лиепа: Но ведь актер – профессия зависимая. Слава Богу, если ты дошел до уровня, когда можешь позволить себе выбирать. Например, в моей актёрской биографии три раза, однажды – бессознательно, но два раза по моей воле меня, например, миновал образ Саломии. Только уже потом, мысленно возвращаясь в прошлое, я подумала о том, какое счастье, что мне не пришлось

вживаться в этот образ, что эта роль благополучно меня миновала, поскольку на тот момент я уже имела право выбора. А что бы Вы посоветовали артистам балета или драмы, когда не имеют право голоса и возможности выбора? Или нужно быть миссионером и доказывать свою веру, отказываясь от подобных ролей?

Митрополит Иларион: Я думаю, что право выбора есть у каждого человека. И если иной раз балерина или оперная певица, отказавшись от той или иной партии, может потерять не только контракт, но и свое место, все равно это не смертельно. Она обязательно найдет другое место, подпишет новый контракт и, если она талантливый человек, всегда сможет отстоять свои права.

Считаю, что право на нравственный выбор должно быть у каждого человека в любой профессии. Поэтому если совесть вам говорит не исполнять ту или иную роль, то голос совести для Вас должен быть важнее любых коммерческих изображений, любых контрактов и материальных благ.

Но позвольте все же напомнить, что мы почти не коснулись заявленной темы – о месте женщины в Церкви. Вы женщина, Вы православный человек. В полной мере Вы реализуете себя в искусстве и в то же время в полной мере реализуете себя в Церкви. Иногда говорят, что Церковь дискриминирует женщин: почему, например, женщина не может быть священником? Вы как мать хорошо знаете, что женщина может быть матерью, но не может быть отцом, ибо это два различных служения, связанных с биологическим полом человека. Отец и мать – это не роли, а именно служения, изначально заложенные в человека.

То же самое можно сказать и о Церкви. В ней есть служения и отцовства, и материнства. Когда мы говорим об идеале матери, то, конечно, имеем в виду ту Женщину, Которую Церковь прославляет больше, чем любого мужчину, – Пресвятую Богородицу, именуемую Церковью «Честнейшей херувим и Славнейшей без сравнения серафим». Пресвятая Богородица – абсолютный идеал святости и материнства. Но в то же время у Церкви есть и служение отцовства, которое Самим Христом было вручено апостолам, а от них уже перешло к следующему поколению христиан. Это служение преемственно только для мужчин, но и у женщины в Церкви есть очень много служений, например, она может быть настоятельницей монастыря, может быть и певчей в церковном хоре или церковной старостой.

Церковь предоставляет женщине широкий простор для реализации ее призвания именно как верующего человека.

И. Лиепа: Признаться, меня шокирует то, что церкви на Западе позволяют женщине быть епископом и служить. Когда руководишься верой, то вопрос о женском священстве отпадает сам собой.

Но моя заступница преподобномученица великая княгиня Елисавета при создании Марфо-Мариинской обители обращалась к вопросу о возобновлении института диаконисс. Может быть, Вы немножко расскажете про институт диаконис, от которого в свое время отказалась великая княгиня Елисавета Феодоровна? Что он собой представляет?

Митрополит Иларион: Институт диаконисс существовал в Древней Церкви, он никогда не приравнивался к институту диаконов, то есть у диаконисс было не то же самое служение, что у диаконов.

И. Лиепа: То есть они не могли выходить с возгласами.

Митрополит Иларион: Они не могли выходить с возгласами и не участвовали в Литургии. Они в основном участвовали в крещении, когда совершалось крещение женщин. У них были многие другие функции, которые сегодня есть у наших женщин в Церкви, то есть, например, пение в хоре или помощь священнику в разных ситуациях, в том числе и при совершении Таинства Крещения. Фактически институт диаконисс у нас существует, просто он не является каким-то оформленным институтом, но все эти служения в Церкви сохранены.

Думаю, что уникальность Церкви заключается в том, что она не навязывает людям какие-то чуждые им функции, но позволяет каждому человеку, будь то мужчина или женщина, раскрыть свои способности и принести их на службу Богу.

Источник: <https://mospat.ru/ru/news/52002/>